

Велимир ХЛЕБНИКОВ

Как! И я, верх неги,
Я, оскорбленный за людей, что они такие,
Я, вскормленный лучшими зорями России,
Я, повитой лучшими свистами птиц, —
Свидетели: вы, лебеди, дрозды и журавли! —
Во сне провлекший свои дни,
Я тоже возьму ружье (оно большое и глупое,
Тяжелее почерка)
И буду шагать по дороге,
Отбивая в сутки 365×317 ударов — ровно¹.
И устрою из черепа брызги,
И забуду о милом государстве 22-летних²,
Свободном от глупости возрастов старших,
Отцов семейства (общественные пороки возрастов старших).
Я, написавший столько песен,
Что их хватит на мост до серебряного месяца...
Нет! Нет! Волшебницы дар есть у меня, сестры небоглазой.
С ним я распутаю нить человечества,
Не проигравшего глупо
Вещих эллинов грез,
Хотя мы летаем.
Я ж негодную на то, что слова нет у меня,
Чтобы воспеть мне изменившую
Избранницу сердца.
Ныне в плену я у старцев злобных³,
Хотя я лишь кролик пугливый и дикий,
А не король государства времен⁴,
Как зовут меня люди:
Шаг небольшой, только *ик*,
И упавшее *О*⁵, кольцо золотое,
Что катится по полу.

* * *

Девы и юноши, вспомните,
Кого мы и что мы сегодня увидели,
Чьи взоры и губы истом не те,
А ты вчера с позавчера, увы, дели!
Горе вам, горе вам, жители пазух,
Мира и мора глубоких морщин,
Точно на блюде, на хворях чумазных
Поданы вами горы мужчин.
Если встал он,
Принесет ему череп «Эс»¹,
Вечный и мирный, жизни первой!
Это смерть идет на перепись
Пищевого довольства червей.
Поймите, люди, да есть же стыд же,
Вам не хватит в Сибири лесной костылей,
Иль позовите с острова Фиджи
Черных и мрачных учителей
И проходите годами науку,
Как должно есть человечью руку².
Нет, о друзья!
Величаво идемте к Войне-Великаньше,
Что волосы чешет свои от трупья³.
Воскликнемте смело, смело, как раньше:
«Мамонт наглый, жди копья!
Вкушаешь мужчин à la Строганов».
Вы не взошли на мой материк!
Будь же неслыхан и строго нов,
Похорон мира глухой пятерик.
Гулко шагай и глубокую тайну
Храни воронными ушами в чехлах.
Я верю, я верю, что некогда «Майна!»⁴
Воскликнет Будда или Аллах.

Белые дроги⁵, белые дроги,
Черное платье и узкие ноги.
Был бы лишь верен, вернее пищали с кремнями,
мой ум бы.

Выбрал я целью оленя лохматого.
За мною Америго⁶, Кортес⁷, Колумбы!
Шашки шевелятся, вижу я мат его!

